

Т. Н. ДЖАКСОН, Т. М. КАЛИНИНА,
И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. ПОДОСИНОВ

«РУССКАЯ РЕКА»

РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ГЕОГРАФИИ

ЯЗЫКИ
СЛАВЯНСКИХ
КУЛЬТУР

Москва, 2007

ББК 63.3(2)4
Д 40

*Работа подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
грант № 01-01-00195*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
грант № 06-01-16244*

**Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г.,
Подосинов А. В.**

Д 40 «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. — М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. — 360 с. — (Studia historica. Series minor).

ISBN 5-9551-0209-4

Монография представляет собой серию очерков, в которых обобщены результаты многолетней работы авторов по изучению речных путей Восточной Европы на основе античных, арабо-персидских и скандинавских нарративных источников, а также традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии. В книге исследуются представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы и рассматривается роль речных путей региона в системе международных связей в различные исторические периоды. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой и И. Г. Коноваловой, включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Для специалистов в области отечественной и всеобщей истории, истории географии и картографии, топонимики.

ББК 63.4

*В оформлении переплета использована фотография:
Ростральная колонна, Санкт-Петербург. Северная скульптура Волга*

ISBN 5-9551-0209-4

© Авторы, 2007
© Языки славянских культур, 2007
© Знак, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ГЛАВА I

ГИДРОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОКАРТОГРАФИИ (А. В. Подосинов)

Очерк 1. Греки и римляне в Восточной Европе: освоение пространства	13
Очерк 2. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей	29
Очерк 3. Азовское море и Керченский пролив в античной и средневековой западноевропейской картографии	58
Очерк 4. Волга в геокартографии античности и Средневековья	70

ГЛАВА II

РЕКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ АРАБО-ПЕРСИДСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова)

Часть I. Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX—X вв. (Т. М. Калинина)	101
Очерк 1. Водная связь между Севером и Югом Восточной Европы	101
Очерк 2. Волга в изображении арабских географов IX—X вв.	135
Очерк 3. Редкие упоминания о реках Восточной Европы	158

1. «Река славян».....	158
2. Реки Причерноморья и Приазовья.....	163
3. Другие реки Восточной Европы	169
Часть II. Гидрография Восточной Европы в географическом сочинении ал-Идриси (И. Г. Коновалова)	173
Введение	173
Очерк 1. Первые сведения о бассейне Днепра	177
Очерк 2. Традиционные и новые данные о реке Атил.....	181
Очерк 3. Река Сакир как олицетворение Волго-Донского пути	197
Очерк 4. «Русская река»: старый гидроним в новом контексте.....	207
Очерк 5. Озера Восточной Европы	241
 ГЛАВА III ГИДРОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКАХ (Т. Н. ДЖАКСОН) 	
Очерк 1. Викинги на речных путях Восточной Европы	275
Очерк 2. «Великие реки»: восточноевропейские речные пути на «ментальной карте» средневековых скандинавов.....	290
Очерк 3. «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посередине»	316
Очерк 4. «Мир» для проезда из Ладоги в Новгород, или О контроле над речными путями со стороны Древнерусского государства	327
Очерк 5. Из Рима в Иерусалим с остановкой в Ладоге.....	339
 Список сокращений	 356
Список карт	357

ПРЕДИСЛОВИЕ

Речная сеть нашей равнины — одна из выдающихся географических ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.

В. О. Ключевский

Особая роль речных путей для восточноевропейского региона, которая отмечалась уже античными авторами, совершенно очевидна. Среднерусская возвышенность была узлом четырех основных водных систем: Волжской, Днепровской, Западнодвинской и Волховско-Ильменской. Здесь лежали верховья рек. Отсюда пути вели на Каспий, в Черное море и на Балтику. Еще В. О. Ключевский заметил: «Нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут ино-

гда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при нешироких и пологих водоразделах, *волоках*, облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам перевозакивание небольших речных судов из одного бассейна в другой» (Т. 1. С. 76).

В современной отечественной и международной историографии речные пути Восточной Европы рассматриваются либо монографически (Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки»), либо в рамках истории отдельных сфер человеческой деятельности — таких как торговля или транспорт, либо в источниковедческом плане применительно к изучению того или иного письменного памятника.

В настоящей работе речные пути Восточной Европы анализируются не столько в традиционном плане (т. е. как транспортные коммуникации и торговые пути), но в более широком смысле — как важнейшие пути некоммерческого обмена между народами, способствовавшие взаимной передаче знаний и опыта в самых разных сферах жизни. Речные пути способствовали установлению разнообразных контактов между различными аборигенными этносами Восточной Европы, а также между ними и пользовавшимися этими транспортными артериями выходцами из Скандинавии, Балтики, Западной и Южной Европы, стран Халифата. Соответственно, и информация об этих магистралях сохранилась в большом числе античных, византийских, восточных, западно- и северо-европейских источников — как нарративных, так и картографических.

Рассмотрение речной номенклатуры Восточной Европы в античных, арабо-персидских и скандинавских

описательных источниках, а также анализ традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии позволили установить, что как в античном, так и в средневековом сознании, в рамках совершенно различных культурных традиций, существовал ряд, казалось бы, абстрактных гидрографических идей, тем не менее отталкивавшихся от реальной действительности, в первую очередь, осознание возможности сквозного плавания по рекам из северных областей Восточной Европы на юг, равно как и в обратном направлении — с юга на север.

При исследовании данных о речных путях Восточной Европы, содержащихся в наших источниках, мы руководствовались тем, что существует принципиальная разница между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия — с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Топонимы, не совпадавшие с реальными географическими объектами, служили основой для спекулятивных построений этногеографического и религиозно-мифологического характера, и — по мере географического освоения мира — перемещались в ментальном пространстве античных и средневековых авторов к краям ойкумены.

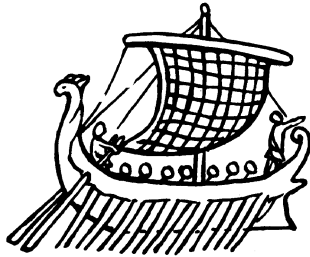
Обращение к широкому кругу разноязычных (греко-латинских, древнескандинавских, арабо-персидских, древнерусских) источников позволило исследовать как представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы, так и выяснить роль речных путей региона в системе международных связей Древней Руси в различные периоды ее истории.

Наша работа ни в коей мере не является только историко-географической. Для нас с самого начала было очевидно, что географические источники, подвергнутые традиционному историко-филологическому анализу, несут много важной для понимания исторических процессов информации — это касается вопросов локализации племен и народов, их миграций, историко-культурного районирования территорий, трансевразийских торговых коммуникаций, внешнеполитических связей Древнерусского государства и проч. В связи с этим система речных путей Восточной Европы, выявленная в этом исследовании, служит как бы каркасом, на котором крепится совокупность полученных из античных, восточных и древнескандинавских источников сведений по истории этого региона.

Работа представляет собой серию очерков, объединенных в три главы. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой (часть I) и И. Г. Коноваловой (часть II), включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

ГЛАВА I

**ГИДРОГРАФИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ГЕОКАРТОГРАФИИ**
(А. В. Подосинов)

ОЧЕРК I

ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Эта страна [Скифия] не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных... Природа земли им [скифам] благоприятствует, и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. Те из них, которые чем-нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис.

Геродот, IV, 47; 82.
(пер. Г. А. Стратановского)

Удивительно, как в изначально небольшой Греции с узким географическим кругозором вследствие некоей пытливой любознательности, проявлявшейся в перенимании знаний окружающих народов (египтян, ближневосточных, даже скифских), и в ходе колонизации отдаленных окраин, а также торговых, военных и политических контактов с народами периферии, со временем развилось грандиозное систематическое знание о географии

и этнографии ойкумены. Это знание отразилось в трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего и Птолемея (если брать только сохранившиеся географические произведения греков и — след за ними — римлян).

Античная наука установила сферичность Земли, вычислила ее размеры, вычленила широтно-климатические зоны относительно видимого солнечного пути, нашла способ создать систему координат с помощью измеряемых градусами долгот и широт, чтобы разместить на карте всю известную сушу. Открытия, сделанные античными путешественниками и мореплавателями, позволили значительно расширить знания об обитаемой земле (ойкумене) от Балтийского моря до глубин Африки, от Ирландии до Индии и даже до Китая. Географическое исследование далеких территорий предшествовало их военно-политическому освоению, которое, в свою очередь, давало большой фактический материал для создания подробных географических описаний и даже карт (этот процесс хорошо прослеживается на примере завоеваний Александра Македонского). Клавдий Птолемей, чьи труды являются вершиной научной географии и картографии античности, в середине II в. н. э. располагал на своей карте мира более 8000 наименований, снабженных координатами, не считая нескольких сотен топонимов и этнонимов, не имеющих координат.

Особенностью античной географии был большой интерес к страноведческому аспекту. Этнография и география в большинстве античных географических произведений практически сплетались в один литературный жанр. Геродота, который после написания своей «Истории» именуется «отцом истории», вполне можно считать еще и «отцом географии», а также «отцом этнографии», поскольку и эти два аспекта составляли неотъемлемую часть его труда. Именно этнографический (а также стра-

новедческий, историко-политический) элемент античных географических описаний делает античную географию важным источником для исторических штудий, в частности, и для темы нашей книги.

Вместе с тем историко-географическая информация о периферии античного мира, извлекаемая исследователями из произведений античных авторов, имеет специфические черты, которые во многом затрудняют позитивистское, прямое использование источника, заставляют развивать различные методические приемы, позволяющие раскрыть истинное положение дел, или же, наоборот, отказаться от возможности увидеть в этой информации реальные факты.

Прежде всего сложность проистекает из естественного закона информационного поля, согласно которому объекты, расположенные дальше от центра сбора информации, известны слабее, чем расположенные ближе к нему. Периферию античного мира составляли иностранные по отношению к грекам и римлянам — и часто враждебные им — государства, народы и племена, имевшие свою культуру и свои языки; понятно, что получение информации о географическом и политическом положении этих регионов было часто затруднено. Путешественники и ученые, торговцы и колонисты, наемники и члены посольств — все те, кто мог побывать «за границей», становились источниками информации, собиравшейся в «центре». Двуязычие людей такого сорта делало возможным знакомство не только с устной информацией, идущей от «аборигенов», но и с местной историко-географической литературой, которая становилась известной грекам. Со временем и эллинизированные «варвары», в свою очередь, смогли писать труды на греческом языке, внося и свой вклад в общий фонд географических знаний.

Такой канал получения информации часто предполагал значительную ее деформацию, вызванную языковым барьером, разницей менталитета и проч. (вспомним полумифические данные о территории Скифии и скифской истории и религии в знаменитом «Скифском логосе» Геродота, полученные им в Ольвии как от местных греков, так и от самих скифов, в частности, от Тимна, приближенного скифского царя Ариапифа).

Удаленность и малоизвестность периферийных областей ойкумены порождала в качестве своего рода компенсации за отсутствие реальных сведений многочисленные спекулятивные построения космологического, географического, этнографического, религиозно-мифологического и бытового характера¹. Отсюда происходят известные нам по античной географической литературе дискуссии о том, как выглядят очертания материков (теории о круглой, прямоугольной или трапециевидной суше), окружена ли суша океаном со всех сторон или в каких-то направлениях уходит в неизвестную бесконечность (аргонавты — в древнейших версиях — могли из Черного моря перебраться по рекам Фасис или Танаис к океанским истокам Нила, чтобы по нему попасть снова в Средиземноморье); является ли Каспийское море заливом Океана или внутренним морем; откуда начинаются реки (из мирового Океана, с гор или из озер) и т. д. К следствиям малоизвестности периферии относится также природно-геометрический и этнографический параллелизм, который греки охотно усматривали во многих явлениях периферии ойкумены, например, в на-

¹ См.: *Romm J. S. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 9: «Where empirical data give out they [ancient geographers. — A. P.] employ any other means available — theory, myth, and fantasy — to define and depict the space in which they dwell».*

правлении течения рек — Нила и Дуная, или Нила и Танаиса, в особенностях нравов и образа жизни гиперборцев и эфиопов, живущих на противоположных краях ойкумены², и т. д.

Представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной, потусторонней периферией побуждало человека античности относиться к отдаленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство.

Если взять район Черного моря, через который античная цивилизация познакомилась с Восточной Европой, то уже вход в него воспринимался до освоения Черного моря колонистами как вход в потусторонний мир³. С таким представлением согласуется и помещение при входе в Черное море губительных мифических движущихся скал Планкты (или Симплегады, или Кианеи), знаменующих выход в Океан, и страны живущих на берегу Океана киммерийцев, где Одиссей нашел вход в Аид, и острова Левки (= острова блаженных⁴), где Ахилл — владыка мертвых — жил после своей смерти под Троей, и Таврики (Крыма), где было место обитания

² Ср.: *Romm J. S.* The Edges of the Earth. P. 60: «In many ways the Hyperboreans can be seen as mirror-image counterparts to the Ethiopians, inhabiting the northern edge of the world rather than the southern».

³ Ср.: *Vassileva M.* Greek Ideas of the North and East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. R. Tsetschladze. Stuttgart, 1998. P. 69—77 (Historia Einzelschriften 121).

⁴ Острова блаженных, с которыми отождествлялся остров Левка, лежали, по традиционному мнению античных авторов, «за океаном», по ту его сторону — πέριψ κλυτοῦ Ὀκεανοῦ (ср. *Hesiod.* Theog. 215, 274, 294).

принесенной в жертву Агамемноном Ифигении, получившей, как и Ахилл, бессмертие и превратившейся в Гекату — богиню смерти, тесно связанную с миром мертвых, и пещеры (и реки) Ахерон (в районе Гераклеи Понтийской), соединяющей этот мир с Аидом, из которого Геракл извлек стража подземного мира — трехголового пса Кербера. В причерноморском регионе древние греки помещали и такие «реалии», как Кавказскую скалу, к которой Зевс приковал Прометея, дракона, сторожившего золотое руно в сказочном заокеанском царстве Ээта, и многие другие чудеса.

Связь Черного моря с потусторонним миром объясняется в немалой степени тем, что плавание в Черное море в древности воспринималось греками как выход в Океан — традиционное местонахождение загробного мира, т. е. Черное море виделось как Океан⁵. Греческий географ рубежа эр Страбон свидетельствует:

В гомеровскую эпоху Понтийское (т. е. Черное. — *А. П.*) море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя 'Понт', подобно тому, как Гомера называли просто 'поэтом'. Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте⁶, предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу гос-

⁵ См. об этом подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 67—109.

⁶ Имелись в виду плавание Одиссея в страну киммерийцев и локализация страны Ээта (позднее Колхида).

подствующих представлений (I, 2, 10; пер. Г. А. Стратановского).

Отсюда, вероятно, берет начало и прослеживаемое на протяжении всей античности представление о том, что Черное море соединяется с Северным Океаном (через реки Дон и/или Волгу), или же — по принципу удаления фантастического на более отдаленную периферию — что Меотида (Азовское море) является заливом Океана (подробнее об этом см. в Очерке 2).

«Мифологическое» восприятие этногеографических реалий Северного Причерноморья закончилось в период Великой греческой колонизации (VIII—VI вв. до н. э.), когда греки появились на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) и основали здесь многочисленные города и поселения. Греческая колонизация черноморских побережий (а в ней активно участвовали ионийцы — жители греческой Малой Азии) принесла много реалистических сведений о новых территориях, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI—V вв. до н. э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской историко-географической мысли.

Тесные контакты черноморской периферии греческого мира с его центрами, активное участие ее в «большой политике» (напомню только о многолетнем снабжении Афин боспорским хлебом, о борьбе римлян с Митридатом Евпатором, закончившейся самоубийством Митридата в Керчи, о размещении римских войск в Крыму) постоянно обогащали античную литературу и, в частности, географию новыми и все расширяющимися данными, что создает для нас солидную источниковую базу. Тем не менее однажды зафиксированные в литера-

туре фантастические детали и описания продолжали долго жить в литературе античности, благополучно перекочевав в Средневековье.

По мере освоения все новых территорий происходила постепенная демифологизация окраин, при этом нередко мифологические персонажи и реалии переносились все дальше к границам ойкумены. Так, амазонки из Малой Азии (где их локализовал Гомер) уже при Геродоте должны были «перебазироваться» в Северное Причерноморье, чтобы в римское время (например, у Помпония Мелы) оказаться почти у Северного океана, а в Средние века — на острове Амазанус в Балтийском море (как у арабского географа ал-Хорезми) или даже на севере Скандинавии (*Kwenland* исландских саг — «Страна женщин»). И наоборот, местности, раньше размещавшиеся где-то далеко на севере, на краю света, за Океаном, обретали вполне реалистическую географическую локализацию; так, цель аргонавтов — царство Ээта, располагавшееся в описаниях древнейших *Аргонавтик* на океанском берегу то ли на западе, то ли на севере, то ли на востоке ойкумены, было позже отождествлено с Колхидой в Восточном Причерноморье; подобную же судьбу испытали киммерийцы, изначально локализованные Гомером на далеком океанском берегу, а затем помещенные Геродотом на северном побережье Черного моря.

Говоря о географии Восточной Европы и, в частности, о ее гидрографии в представлениях античных авторов, следует иметь в виду, что она полна деталей, которые, мягко говоря, не отвечают действительности, что и понятно, так как знания о ней были довольно приближительными и нечеткими.

Прежде всего следует сказать об общей конфигурации Восточной Европы, как она запечатлелась в античной географии.